

— Невестка, — с сомнением проговорил Сюн Чжу, — котёл, конечно, хороший, готовить на нём — одно удовольствие, много хлопот сэкономит. Только ведь такой железный котел стоит недёшево... — он и сам бы хотел поставить в доме такую печь — матери было бы легче готовить. Но стоило вспомнить цены, и он тут же приуныл. Тот маленький котелок, что Тан Шоу покупал раньше, и тот обошёлся в три лян. А этот — огромный, как ванна! Без пяти-шести лян серебра вряд ли получится.

Тан Шоу с улыбкой ответил:

— Ничего, эти деньги легко можно отбить.

Пока в доме не было подходящего котла, они временно прикрыли отверстие деревянной крышкой, и внизу уже можно было развести огонь, чтобы просушивать лежанку. Только сложенная глинобитная лежанка сохраняет влагу, на ней сразу спать нельзя — нужно хотя бы дня три-четыре её прогревать, а зимой и того дольше. Так что пока выложили лежанку только в спальне Тан Шоу и Сюн Чжуаншаня, а спали они в гостевой комнате. Как раз удачно получилось: братья Хао, что временно жили у них, накануне получили заказанные башмаки с многослойной подошвой и тут же уехали, комната освободилась.

Сюн Тэ и Сюн Чжу, помогавшие с выкладкой, спешить не стали — им хотелось своими глазами увидеть, так ли хороша эта лежанка, как её расхваливал Тан Шоу.

Прошло всего полчашки чая, как в кане уже пошло тепло. Сюн Тэ и Сюн Чжу протянули руки — и тут же глаза у них загорелись, на лицах отразилось настоящее изумление.

— Невестка, да это ж чудо! — выдохнул Сюн Чжу. — Она ж правда тёплая! Да если в такую стужу можно спать на такой лежанке, это ж прямо божественная жизнь какая-то!

Сюн Чжу и без того был ловкий и бойкий, а после нескольких дней торговли пирогами в уездном городе стал ещё словоохотливее. А хорошие слова, как известно, денег не стоят — и понеслось: похвалы сыпались, как из мешка горох.

Сюн Чжу был немногословен и не умел красиво говорить, но глаза его выдавали всё: взгляд прилип к тёплой лежанке, и в нём читалось такое восхищение и восторг, что слов уже не требовалось.

— Сегодня уже поздно, — сказал Тан Шоу. — Завтра приходите с братом, заберите немного кирпичей и выложите кан у себя дома. Мы себе сделали, как же родителям не сделать?

Сюн Тэ заулыбался во весь рот, а Сюн Чжу хоть и не выразил это словами, но видно было — радости не меньше. Когда первая волна возбуждения схлынула, Сюн Чжу уже начал думать на перспективу:

— Невестка, ты ведь эти кирпичи вез издалека, чтоб потом продать, да? С такой-то затеей... Скажу я тебе, теперь, когда у нас есть это ремесло, эти кирпичи вокруг всего уезда Юйлинь — на вес золота! — он задумчиво посмотрел на Тан Шоу. — А ты сам как собираешься их продавать?

— Ну, третий брат, — с усмешкой отозвался Тан Шоу, — ты прямо деловой человек. Раз уж мы всё равно вместе работать будем, скажу прямо: чтобы выложить вот такую лежанку, как у нас дома, нужно кирпичей не меньше чем на пять лян серебра.

— Пять... пять лян?! — опешили Сюн Тэ и Сюн Чжу. Они чуть ли не хором повторили эту сумму. Это же просто глина, как она может стоить серебро?!

— Это только за кирпичи, — спокойно пояснил Тан Шоу. — Если ещё и руками будем выкладывать, то за работу отдельно. Не по дням, а поштучно — один кан - тридцать вэнь на человека.

— Невестка, да кто ж нас за такие деньги нанимать будет? — возразил Сюн Тэ. — Тратить серебро, чтоб купить глину? Весной её будет под ногами хоть отбавляй — никто и гроша не даст. Зачем кому-то тратить пять лян, если через пару месяцев земля кругом будет даром?

Сюн Чжу, более сообразительный, тут же возразил брату:

— Старший брат, это совсем другое дело. Сейчас зима, землю в округе Юйлинь не расковыряешь — как камень. Хочешь выложить кан — придётся покупать глиняные кирпичи. А ты сам подумай: сколько стариков каждый год мёрзнут насмерть? И пусть у знатных семей, у богатых стариков, есть крыша над головой, но ведь им тоже холодно. А как начнутся настоящие морозы, когда зима вступит в силу и пойдут девятидневки холода, тогда и в доме не спасёт: даже если не выходишь наружу — всё равно продрогнешь до костей. Подхватишь простуду, а там и лихорадка, а с ней — кто знает... выкарабкаешься или нет. Так что подумай сам, те старики и старухи, которые за свою долгую жизнь накопили столько добра, и так мечтают прожить ещё десяток лет, разве не заплатят пять лян за тепло? Да что там — даже если будет дороже, и то согласятся.

Тан Шоу одобрительно кивнул — у Сюн Чжу голова варит, видно, мыслит дальше остальных.

После этих слов даже у Сюн Тэ загорелись глаза — вера в успех дела резко окрепла.

— Если так, — прикинул он, — и мы втроем наловчимся, то за день сможем выложить три лежанки. Это же по девяносто вэнь каждому в день! — и сам от этой суммы опешил.

— Вы с третьим братом идите, — сказал Тан Шоу. — А вот муж должен остаться со мной. Торговцы из других мест могут наведаться в любую минуту, я один с ними не справлюсь.

— Да-да, ты прав, — закивал Сюн Тэ. — Я что-то и не подумал, что эрлан не может с нами ходить.

Когда подошло время ужина, братья Сюн Тэ и Сюн Чжу не стали оставаться, поспешно попрощались и отправились домой. Вернувшись, сразу же рассказали родителям про лежанку.

Чжан-апо выслушала — и тут же яростно затрясла головой.

— Пять лян за одну лежанку? Да где уж мне на такой спать. Если бы их разумно тратить, этих пяти лян семье А-Шаня на два года на еду бы хватило. Заработать побольше — это правильно, у них же ещё и детей нет, только на себя. А потом расходов только прибавится. — она твёрдо сказала, — Сыновнюю почтительность второго сына я, конечно, принимаю, но вы двое — ни в коем случае не смейте брать у него кирпичи. Весной, когда земля оттаёт, сами сложим себе лежанку. Зачем сейчас тратить такие деньги на меня с отцом? Пусть уж следующая зима у нас будет тёплой — всё равно дождёмся.

После таких слов Сюн Тэ и Сюн Чжу на следующий день уже не осмелились пойти в дом Сюн Чжуаншаня за кирпичами. Тан Шоу, встав уже поздним утром и не обнаружив их, всё понял без слов. Он велел Сюн Чжуаншаню самому отвезти глиняные кирпичи родителям.

Чжан-апо всячески отказывалась, решительно не желая принимать подарок, но Сюн Чжуаншань только молча поджимал губы и, не слушая, принялся таскать кирпичи во двор. Велел младшей сестре освободить помещение и сам в одиночку вынес старую кровать матери — легко, словно подушку.

Он один месил глину, грел кирпичи, сушил — принялся работать, не сказав лишнего слова. В конце концов братьям Сюн пришлось смириться: кан уж всё равно начали делать, так что помогли, куда деваться.

Дом Сюн стоял почти в центре деревни, к тому же грохот и суета были нешуточные — и вскоре начали подтягиваться зеваки. Кто-то, увидев кирпичи, сразу узнал их — это ведь те самые, что Сюн-фулан привёз из столицы! Да, тогда об этом вся деревня судачила: кто-то с уважением кивал, мол, раз уж Сюн-фулан на это деньги потратил — значит, дело стоящее, ведь не просто так его «улиткой-фуланом» прозвали, он, видно, знает то, чего другим и не снилось.

Но были и другие — завистливые, недобрые — те только ждали повода посмеяться. Они тут же заговорили, что Сюн-фулан транжира, его столичные купцы облапошили, подсунули какую-то землю, а он и поверил — будто бы у них в столице луна круглее, чем в деревне Синхуа, и даже глина для строительства теплее.

Сегодня наконец настал тот самый день, когда привезённые глиняные кирпичи должны были проявить себя во всей красе — и как же тут деревенским не заинтересоваться? Мужики, бабы — все гурьбой повалили к дому Сюн, толпились у ворот, тянули шеи, стараясь заглянуть во двор, а кто понахальнее — и в дом хотел пролезть.

— Это ж те самые кирпичи, что ваша вторая невестка из самой столицы вёз, да? — заглядывая внутрь, прищурился кто-то. — Вы их на что, кстати, используете? — и с этими словами уже потянулся к дверям.

Но Чжан-апо уже отличалась от прежней. Её сыновья на этом деле заработать надеялись, а значит, ни в коем случае нельзя, чтобы деревенские подсмотрели, как всё устроено, и утащили секрет. Она тут же упёрла руки в бока, зыркнула на отца Сюна и младшую дочь — и они трое живой стеной встали у прохода, перекрыв любопытным обзор.

Такой явный отказ показался деревенским обидным, и один из стариков с досадой буркнул:

— Тьфу ты, тоже мне тайна... Всего-то пара кирпичей, что в них такого?

Чжан-апо фыркнула с таким презрением, что у того аж спина выпрямилась:

— Эй, ты чего несёшь? Какие ещё «пару кирпичей»? Эти кирпичи моя вторая невестка за большие деньги вёз аж из самой столицы! Это не просто кирпичи — мы из них кан будем делать. Слыхал про такое? Видал хоть раз в жизни? Да ты и слова-то такого не знаешь, а туда же — «пару кирпичей»! Вот уж точно — волосы седые, а ума не нажил, стыдно слушать, не то что повторять!

Старик под этим градом упрёков тут же стушевался, прикусил язык и затих.

Но кто-то из толпы, наоборот, только больше был заинтригован:

— Кан? А это ещё что за штука такая?

Сама Чжан-апо, если честно, тоже узнала о кане только со слов Сюн Тэ и Сюн Чжу, когда те вернулись из дома второго брата. Видеть-то его она ещё не видела. И, по правде говоря, не раз хотелось заглянуть в дом эрлана — хоть одним глазком глянуть, что за диво. Да вот не решилась: боялась, что сын с невесткой не так поймут, решат, будто она намекает, а потом и вовсе возьмут — да и выложат ей ещё одну лежанку. А это ведь — пять лян серебра! Нет, на такое она пойти не могла — жалко.

Но раз уж теперь в их доме кан уже есть, и семья эрлана собирается продавать это как бизнес, Чжан-апо, разумеется, не упустит случая как следует разрекламировать чудо-изобретение. А главное — похвастаться. Ведь раньше что? Все глядели на них свысока. Дескать, нищие, убогие, некоторые даже запрещали своим детям разговаривать с детьми Сюн — а то, гляди, пристанут. А теперь? Теперь она спит на кане за пять лян серебра. А у этих — у кого вообще есть такие деньги?

Чжан-апо выпрямила спину так, как никогда прежде, и с невиданной гордостью начала рассказывать:

— Кан — это вот из таких кирпичей выкладывают. Один раз сложишь — и лежанка готова. Целая площадка, на которой спокойно могут спать четыре-пять человек. И знаете, что? Всего за полчашки чая она прогревается. Ложишься — будто прямо на печку. Тепло так, что словами не описать. Да у вас хоть десять жаровен поставь — всё равно до такой лежанки не дотянутся.

— Неужто и правда теплее жаровни? — с сомнением переглянулись деревенские. В их понимании, если в доме стоит угольная жаровня — это уже богатство, предмет гордости. Но, с другой стороны... Это же Сюн-фулан. Всё, что он придумывал, всегда выходило необычным. И ведь не только деревенские, даже знатные господа из самой столицы за этими штуками гонялись, в деревню к ним добирались.

Так что сомнения быстро уступили место живому интересу. Люди уже и не расходились. Кто-то даже побежал сообщить другим: мол, Сюн-фулан снова чего-то новенького придумал — бегом смотреть!

Даже несмотря на то, что их не подпускали близко, и внутрь дома не пускали, деревенские стояли у ворот, прижавшись друг к другу, мёрзли, кутаясь в рукава, но не уходили. Им важно было одно: увидеть первыми, что же за чудо там внутри.

У братьев Сюн после укладывания предыдущего кана уже был опыт: теперь не приходилось всё время останавливаться и ломать голову, что да как — руки делали почти автоматически. Едва солнце немного склонилось к западу, новая лежанка уже была готова.

Деревенские, стоявшие у ворот, тут же ринулись в дом, столпились вокруг кана, глядя на него с восхищением, охали и цокали языками. Пока лежанка ещё не была натоплена, она не выглядела особенно волшебной — просто большая, широкая, на вид удобная. Уже и это казалось плюсом: с такой лежанкой можно и вовсе без кровати обойтись.

Но прошло полчашки чая — и кан прогрелся. Стоило кому-то прикоснуться — глаза тут же округлились от удивления.

— Ого! Вот это вещь! Да она и вправду лучше жаровни. Я вам скажу, десять жаровен рядом с ней и не стояли! — не дожидаясь приглашения, один деревенский уже сбросил обувь и залез на кан. Улегся, вытянулся и вздохнул от удовольствия: — Да это ж прямо как у чиновников в покоях! Тепло... ой, как тепло! Вот бы у меня дома такая была — я бы всю зиму с неё не слазил, даже еду туда бы носил!

— И правда тёплая! — вторили ему другие, и один за другим начали лезть на лежанку.

Хотя она и была рассчитана на четверых-пятерых, деревенские навалились гурьбой — набилось человек пятнадцать, плотной, сбившейся кучей, так что и встать было негде, и присесть негде. Но всем хотелось попробовать это волшебство на собственной шкуре.

— Вот это вам повезло, — с завистью выдохнул кто-то из деревенских. — Зимой теперь не

замёрзнете, с такой тёплой лежанкой в доме можно больше не бояться, что кто-то околеет.

Чжан-апо, хоть и радовалась в душе, была при этом порядком раздражена: сама-то она ещё ни разу на этой лежанке не лежала, а уже вся деревня по ней катается. Но вместе с тем её и переполняла гордость — гм, это же ее сын с невесткой специально для неё постарались, пять лян серебра, между прочим!

Когда она увидела, что народ и не думает расходиться, всё мнётся у лежанки, да ещё и поглядывает с интересом, как бы себе такую заказать, — у неё сразу в голове зашевелилась мысль: а вдруг кто-то потом начнёт возмущаться, мол, чего это Сюны дерут по пять лян за простую глину? А если невестка скажет цену прямо, да ещё вслух, — язык у некоторых, небось, не выдержит, за спиной начнут шептаться, подначивать, гадости молоть. Нет, надо сразу всё правильно подать.

И, сложив руки у груди, она с важностью сказала:

— У меня судьба такая, с самой молодости говорили. Помню, как-то слепая гадалка по руке мне прочла: будет у тебя в старости счастье. А тогда ведь и есть было нечего, совсем бедствовали...

Она обвела всех взглядом, выдержала паузу и продолжила, с лукавой улыбкой:

— Кто бы подумал, а? А-Шань вернулся, да с удачей. Женился на таком фулане — невестка у нас золото, всё новое да полезное приносит, и нас, старых, не забывает. Вот скажите, знаете вы, сколько стоит такая лежанка, как у меня?

— Сколько? — тут же с любопытством подхватили деревенские.

— Пять лян серебра! — с важным видом объявила Чжан-апо.

— Чего?! Пять лян?! — разом вскрикнули деревенские, у кого-то аж челюсть отвисла.

— А как же, — не без гордости подтвердила Чжан-апо. — Только одни глиняные кирпичи для такой лежанки стоят пять лян. Да что поделать — вон же, из самой столицы везли, за тысячу ли отсюда. Не может такое дёшево стоить. А у нас, сами знаете, земля промёрзла — хоть топором долби, не выдрать. Так что хочешь тёплую лежанку — покупай кирпичи. Всё, как ни крути, упирается в деньги. И вот тут скажу: повезло мне с детьми — А-Шань с фуланом у меня сердечные, не пожалели на старуху денег.

— А ещё, — добавила она, поднимая палец, — невестка моя, эрлан-фулан, сказал: это ещё без учёта работы. А если и работу считать, то по тридцать вэнь на человека за одну лежанку. Не по дням, не по часам — по лежанке.

Теперь все, кто только что подумывал: «А не позвать ли мне тоже братьев Сюн, пусть и мне выложат лежанку?» — дружно приуныли. Кто хотел украдкой научиться — тоже сник. Одно дело — простецкое крестьянское ремесло, за которое и поругаться не страшно. А тут — такие деньги, и фулан городской, и сам товар — будто заморский. Страшно даже рот открыть.

Старички, что уже лежали на тёплой лежанке, начали незаметно, по одному, с осторожностью сползать обратно на пол. Кто обувь искал, кто шаркал в носках — не дай бог, повредим такую дорогую вещь... как потом расплачиваться?

Такая лежанка, оказывается, в доме Сюн была всего одна — ни старший, ни младший братья каны себе делать не стали: дорого. А Тан Шоу и не настаивал, теперь он уже вплотную занялся главным вопросом — как всё это превратить в прибыльное дело.

- В прошлый раз всё уладилось благодаря помощи уездного судьи, — сказал Тан Шоу. — Иначе кто знает, как бы всё обернулось. Хоть у нас и есть поддержка вана, но мы тоже не можем совершенно не выразить благодарности. Как раз кстати — подарим этот кан в ответ, выложим его в доме уездного судьи. Это будет и подарком, и заодно послужит рекламой, убьём двух зайцев. Когда представители богатых семей увидят, что у судьи дома установлен такой кан, они и сами поймут, что вещь стоящая, и начнут сами к нам обращаться.

— Ладно, — кивнул Сюн Чжуаншань, и его большие ладони незаметно скользнули по гладкой коже Тан Шоу. Его супруг был таким нежным и приятным на ощупь — сколько бы ни прикасался, всё было мало.

А Тан Шоу всё ещё пребывал в мечтах, болтая без умолку о том, сколько денег можно заработать, как вдруг сверху на него навалился крепкий медведь.

Тан Шоу перепугался и начал заикаться:

— Ты... ты чем это занимаешься?

Сюн Чжуаншань усмехнулся:

— Тобой занимаюсь. — он склонился, облизывая ушко своего нежного супруга; тёплое дыхание обдало ушную раковину, заставив лежащего под ним человека затрепетать. В голове Сюн Чжуаншаня сами собой всплыли воспоминания о том, как красив его маленький супруг, находясь под ним, и голос его охрип.

— Раньше я всё боялся действовать всерьёз — вдруг кровать сломается. А теперь-то, наконец, не о чем беспокоиться. Этот кан — отличная вещь.